

М.П. СОЛОВЬЕВ

СВЯТАЯ ЗЕМЛЯ

и

ИМПЕРАТОРСКОЕ ПРАВОСЛАВНОЕ
ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

М. П. Соловьев

**Святая Земля и
Императорское Православное
Палестинское Общество**

«Индрик»

2012

УДК 94 (569.4)
ББК 63.3(0)52

Соловьев М. П.

Святая Земля и Императорское Православное Палестинское
Общество / М. П. Соловьев — «Индрик», 2012

Вашему вниманию предлагается книга М. П. Соловьева "Святая Земля и
Императорское Православное Палестинское Общество".

УДК 94 (569.4)
ББК 63.3(0)52

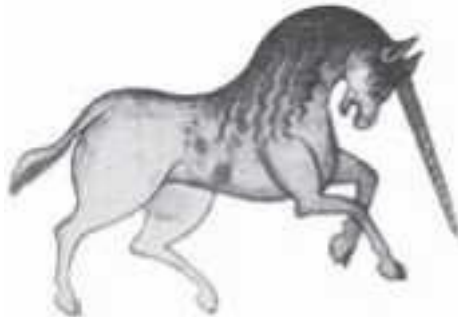
© Соловьев М. П., 2012
© Индрик, 2012

Содержание

В поисках вселенского единства. О книге и ее авторе	7
Глава I	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

М. П. Соловьев

Святая Земля и Императорское Православное Палестинское Общество

Императорское Православное Палестинское Общество

К 130-ЛЕТИЮ ОСНОВАНИЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ПРАВОСЛАВНОГО ПАЛЕСТИНСКОГО ОБЩЕСТВА (1882–2012)

Книга издана при поддержке Мэра Москвы Сергея Семёновича Собянина и Департамента культуры Правительства г. Москвы в рамках проведения международной юбилейной выставки «Россия в Святой Земле: к 130-летию сотрудничества Императорского Православного Палестинского Общества с народами Ближнего Востока» в Центральном выставочном зале «Манеж» (Москва) 05–14 июня 2012

В поисках вселенского единства. О книге и ее авторе

Н.Н. Лисовой

21 мая 2012 г. исполняется 130 лет со дня создания Императорского Православного Палестинского Общества. Труды и заслуги Общества перед русским народом и культурой, перед Православным Востоком не требуют сегодня каких-либо религиозных или политических доказательств и оправданий. Оценивая и оплакивая позиции и достояние, утраченные Россией на Ближнем Востоке, мы понимаем значение Русской Палестины и Палестинского Общества в истории страны, ее духовности и культуры.

Не так однозначно воспринимали деятельность ИППО и его значение современники, не все одинаково оценивали его вклад в русское дело в Палестине, да и не сказать, чтобы сама Палестина относилась к приоритетным понятиям русского политического сознания. В меньшей степени сказанное относится, к сожалению, к оценкам профессиональных историков, светских и церковных.

Вот что писал на рубеже XX столетия греческий церковный историк П. Каролидес: «Палестинское Общество, вскоре перешедшее под руководство панславистов, именно: все-сильного при дворе обер-прокурора Св. Синода Победоносцева, греко-ненавистников-панславистов: Игнатьева, Соловьева, Хитрово и Суворина, – сделалось политическим обществом, преследующим политические цели и под видом благотворительного общества, при помощи эксплуатации могущественного покровительства русской дипломатии и русского влияния в Палестине, начало ехидным образом вести негласную войну против всего греческого в Святой Земле и Сирии... Факт, что Палестинское Общество от Иерусалима и Палестины расширило круг своей деятельности до Антиохии и Антиохийской Патриаршей Церкви, совершенно ясно указывает на истинные цели Общества, именно на предложенное и рекомендованное русскому правительству епископами-панславистами Порфирием и Кириллом завоевание Патриархий посредством их обрусения, а при помощи Патриархий – духовное завоевание Сирии и Палестины»¹.

Аналогичными настроениями пронизана книга греческого филолога Дмитрия Анастасопула «Панслависты – злейшие враги греческой расы» (Афины, 1906 г.), которая, по оценке американского исследователя греческого происхождения Ф.Г. Ставру, «не имела никаких исторических или научных достоинств, но отражала антирусские настроения греков в то время. Автор прослеживает деятельность русских на Православном Востоке со времен Порфирия Успенского и усматривает кульминацию полувековой панславистской пропаганды в “панславистском Палестинском Обществе, которое работало день и ночь против греческого Православия”»².

«К началу Первой мировой войны, – констатирует Ставру, – все реальные силы и группы на Востоке однозначно связывали деятельность ИППО с русским политическим проникновением. Все, что делалось Обществом, греки воспринимали как попытку заменить греческую иерархию местной арабской, которая оказалась бы к тому же в руках панславистов <...>. Со стороны зарубежных и инославных групп в Палестине противодействие Обществу было почти автоматическим»³.

К сожалению, «злейших врагов» в Палестинском Обществе видели не только греки. Прежде всего, приходилось преодолевать инерцию и едва ли не сопротивление государственных структур, прежде всего, дипломатического ведомства. Как пишет автор предлагаемой читателям книги, «положение православия представлялось в смутном виде. Паломники, ближе знакомые с делом, не были слышны в руководящих сферах. При Нессельроде инородцы полу-

чили полное преобладание над русскими и православными. В середине сороковых годов знаменитый архиепископ Порфирий (в последствии епископ Чигиринский) с горечью указывал, что из шести дипломатических чиновников в Египте, Сирии и Палестине не было ни одного русского и православного – были немцы, евреи, католики, протестанты, весьма сочувствовавшие всем, кроме православных. Их донесениями пользовался протестант граф Нессельроде, и можно представить себе, какое традиционное отношение к делам восточного христианства, к очагу и фокусу восточных политикорелигиозных отношений – к Палестине и Иерусалиму – установлялось среди наших дипломатических деятелей. Высшие слои общества официально имели только те представления о деле, которые доходили до них сквозь двойную призму – чуждых православию дипломатических чиновников и греческого клира». С другой стороны, как ни удивительно, и некоторые представители Церкви, кому надлежало бы видеть в деятелях Палестинского Общества единомышленников и соратников, относились к ним, к сожалению, как к соперникам и конкурентам⁴.

Словом, Палестинское Общество было от кого защищать.

Было и кому. Безусловной удачей для ИППО стало наличие таких ярких и талантливых его историков и апологетов, как В.Н. Хитрово, Ф. Греков-Палеолог, А.А. Дмитриевский. Названные писатели могли по-разному относиться к тем или иным вопросам, исповедовать различные взгляды, но неизменно совпадали в главном: в понимании и толковании русской миссии в Святой Земле. Более того, в понимании самого присутствия России на Православном Востоке прежде всего как *миссии*.

Особое место среди историков и идеологов Императорского Православного Палестинского Общества занимает Михаил Петрович Соловьев (1842-08.01.1901).

В.Н. Хитрово сумел в нескольких кратких штрихах описать путь Соловьева в Палестинское Общество. «Глубоко и убежденно верующий, многосторонне образованный, он посетил Святой Град, молился на Голгофе, лобызал камень Гробницы Господней и не избег общей участи тех, которых Господь удостоивает этой великой милости – он вернулся, имея в сердце девиз Общества: Не умолкну ради Сиона и ради Иерусалима не успокоюсь. С этих пор сделался он одним из убежденными членов Палестинского Общества»⁵.

Деятельность московского публициста недолго была связана с Палестинским Обществом – он стал членом ИППО 21 мая 1891 г., – но в это десятилетие умещается избрание в Совет Общества, председательство в Отделении пособия паломникам, авторство и редакторство в журнале «Сообщения ИППО»⁶, множество статей и заметок в газете «Московские ведомости»⁷ и журнале «Русское Обозрение», наконец, ряд небольших, но талантливых, пользовавшихся популярностью книг⁸.

О совместной работе с ним в Совете Н.М. Аничков свидетельствовал: «Наши занятия с достойнейшими деятелями Общества: В.Н. Хитрово и М.П. Соловьевым, при участии добрейшего и прекрасного по характеру Д.В. Истомина и под руководством почтеннейшего и очень умного, осторожного и осмотрительного Н.Н. Селифонтова, продолжают неопустительно каждый вторник. Думаю, что эти приватные совещания, на которых свободнее высказывается многое, должны способствовать лучшей подготовке дел и вопросов, подлежащих рассмотрению Совета»⁹.

Михаил Петрович руководствовался в своей деятельности убеждением, четко сформулированным им в предлагаемой читателю книге. «Палестинские отношения, – писал он, – представляют неустранимый из народной жизни государственный материал, требующий непосредственного воздействия творческой самодержавной власти и не поддающийся общему порядку делопроизводства в учреждениях, созданных для иных целей. *Палестинское дело – новая государственная задача, вдвинутая народом в русскую политику.* Оттого каждый фазис его неизменно показывает два фактора: Императорскую Фамилию, один из членов которой становится

во главе дела, и массу безвестных паломников из России. Причем регулярные учреждения оказываются недостаточными, и появляется организация, близкая к правительственным сферам, но стоящая особо от высших государственных установлений. Эти обстоятельства вызвали к жизни Императорское Православное Палестинское Общество, под председательством великого князя Сергия Александровича».

В краткой речи, посвященной кончине Соловьева, основатель ИППО В.Н. Хитрово, привлекая к работе в Обществе Михаила Петровича, сказал:

«Человек прямолинейный, нередко до резкости, страстный, он не признавал препон, но это был человек, в котором не было лести. Нелегко бывает иной раз вести с такими характерами общее дело, если не быть уверенным, что эта резкость исходит из прямого, честного, убежденного сердца. И М<ихаил> П<етрович> с этим врожденным ему характером, закаленным далеко не легким пройденным им жизненным путем, принес Обществу немалую долю пользы. Нередко нам приходилось его удерживать, но нередко и ему приходилось тянуть нас за собою, а без подобных деятелей начинается застой – начало конца. Этот почин в деле, это увлечение за собою составляет немаловажную заслугу М. П. в нашем общем деле. Да успокоится его многмятежная душа, удостоившаяся видеть Иерусалим земной, в селениях Иерусалима небесного»¹⁰.

О резком, напористом и бескомпромиссном характере Соловьева вспоминали многие современники. Говорили и говорят об этом и историки, и часто самым небеспристрастным тоном. В зарубежных работах продолжает бытовать миф о политическом значении М. П. Соловьева, определявшего будто бы всю политику Палестинского Общества на Востоке. Ф. Г. Ставру, книгу которого «Русские интересы в Палестине» мы уже цитировали, называя его «человеком, поднявшим новую волну антигреческой компании», и явно преувеличивая довольно скромную роль Михаила Петровича в определении позиций и приоритетов Палестинского Общества, даже изменяет обычному своему ровному объективистскому стилю, как только начинает говорить о «панславистском лидере», авторе «речей и лекций, написанных помпезным и ядовитым языком»¹¹.

«Особенно характерна, – пишет Ставру, имея в виду издаваемую нами книгу, – его монография, опубликованная в 1895 г. и озаглавленная «Святая Земля и ИППО», направленная против греков и их политики в Иерусалимском Патриархате, – монография, которая настроила греков против русских и спровоцировала в Святогробском братстве враждебное и неконструктивное отношение к русским в Палестине»¹².

Позволим себе не согласиться с маститым автором. Не писал ли многократно о русофобии греческого духовенства еще в середине XIX в. основатель Русской Духовной Миссии в Иерусалиме архимандрит Порфирий (Успенский)? Не подтверждает ли это – с греческой стороны – говоря о «русской опасности» и «экспансии русского монашества на Афоне и Голгофе», небезызвестный «архиепископ Афинский – Патриарх Константинопольский – Патриарх Александрийский» Мелетий (Метаксакис)? Лишь одна цитата: «До того, как появились русские учреждения на Востоке, не было и греческих, – уверяет нас автор, – все были православными. Лишь в силу того, что Россия рассматривала и рассматривает греческое наследие как свое, православное, грекам пришлось вступить на защиту собственного наследия... С момента создания архимандритом Порфирием (Успенским) Русской Духовной Миссии в Иерусалиме и возникновения собственности и церковью у этой Миссии, православные разделились на греков и русских, и братья стали врагами»¹³. Если согласиться с Мелетием, возникновение греческой русофобии в Святой Земле придется датировать временем создания РДМ (1847) – то есть задолго, почти на столетия раньше, до возникновения ИППО и публикаций Соловьева.

Необходимо подчеркнуть, что ни Соловьев, ни В.Н. Хитрово, учеником которого он был, не были «эллинофобами», как пытаются их изобразить. Само применение терминов «элли-

нофильство» и «эллинофобство» в применении к позиции тех или иных деятелей Русской Палестины требует дополнительного исследования. Речь идет, как правило, лишь о более или менее критическом отношении к узко эгоистическим, этнократическим устремлениям греческого духовенства Восточных Патриархатов и, прежде всего, Святогробского братства в Иерусалиме. Можно ли судить об отношении к представителям одного народа только по тому, как относились деятели ИППО к другому, темному и поработанному народу – арабской православной пастве Иерусалимского Патриархата?

Разумеется, православные арабы и их дети, прошедшие обучение в русских школах, по-другому относились и к России, и к Палестинскому Обществу. Без всякой иронии это их отношение выразительно представил в своей книге английский современник М.П. Соловьева: «Впечатление, какое производила школьная работа ИППО в Сирии и Палестине, может быть проиллюстрировано ответом одного из учеников школ ИППО. Когда ребенка спросили: «Где находится гора Елеон и что на ней стоит?» – ученик ответил: «Она лежит к востоку от Иерусалима и на ней стоит Русская Свеча»¹⁴. И вывод был для английского автора вполне логичен: «В интеллигентном, мыслящем арабе, правильно образованном и находящемся под верным влиянием, Россия может найти мощного союзника и пропагандиста»¹⁵.

И вопрос не только и не столько в том, где искать России себе союзников. Вопрос – в верности вселенскому сознанию, в понимании русского православного присутствия в мире как служения Церкви Христовой.

Именно об этом – главный пафос писаний «страстного и многмятежного» Михаила Соловьева.

«В нашу историческую эпоху крепкое национальное сознание не служит помехой широкому культурному общению между народностями, и это не может не отражаться и на церковной жизни. Индивидуализация самостоятельных Церквей нимало не препятствует им сознавать свое вселенское единство и укрепить его более деятельным духовным общением. Велики силы Запада, но не в первый раз Восток склоняет пред ними голову, а между тем остается самим собой, не поступаясь своими вековыми духовными особенностями, страшивая поработение Западу при первом удобном случае.

На страже духовного единства Востока стоит Россия. Панславизмом далеко не исчерпывается ее задача, и панславизм в Палестине невообразимая нелепость. Точно также и панэллинизм – праздная мечта археологического свойства. Церковь выросла из рамок греческой национальности и восприняла более одухотворенный тип целокупности, приближаясь к тому, в котором *всяческая и во всех Христос*. Противодействие греческим притязаниям, образование туземных Церквей в крепком, но свободном взаимном общении, составляют историческую задачу текущей церковной жизни. Единственно при осуществлении ее привлекутся к воссоединению со Вселенскою Церковью шесть миллионов туземных инославных христиан Азии и Африки. И если только Русской Церкви, русскому народу – богоносцу, по выражению Достоевского, и русскому государству доступна деятельная и решающая роль в этом святом и великом деле, то единственным местом, где сходятся все узлы мировой задачи этой, может быть только Иерусалим».

1 Καρολίδης Π. Περί της ενεστώσης θέσεως των πραγμάτων εν τη Ορθοδόξω Εκκλησία και τω πατριαρχικώ θρόνω της Αγίας Πόλεως Ιερουσαλήμ // Ελληνισμός. Νοέμβριος 1899, σσ. 481–496; Δεκέμβριος 1899, σσ. 529–542. Цит. по русскому переводу: *Каролид П.* О современном положении Православной Церкви и Патриархии святого града Иерусалима. СПб., 1902. С. 39.

2 Αναστασόπουλος Δ. Πανσλαβισταί, ‘οι μεγάλοι ‘εχθροί τού Γένους. Αθήνα. 1906 (Панслависты, великие враги греческой нации). С. 149–154. Цит. по: Stavrou Th. G. Russian Interests

in Palestine. 1882–1914. A Study of Religious and Educational Enterprise. Thessaloniki, 1963. P. 192.

3 Stavrou Th. G. Russian Interests in Palestine. P. 191–192, 207.

4 *Никодим (Ротов), митр.* История Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Серпухов, 1997. С. 238. Ср. *Киприан (Керн), архим.* Отец Антонин (Капустин), архимандрит и начальник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Белград, 1934. Цит. по 2-му изд.: М., 2005. С. 181–182.

5 Хитрово В.Н. Собрание сочинений и писем. Т 3. Из эпистолярного наследия. М.-СПб., 2012. С. 296.

6 Соловьев М.П. Отзыв русского паломника о Бейрутских женских школах Общества // СИППО. 1892. Т. 3, февраль. С. 39–40; Святая Земля и Россия. (Речь при торжественном открытии Калужского отдела ИППО 10 апреля 1894 г.) // СИППО. 1894. Т 5, июнь. С. 257–287; Барград // СИППО. 1900. Т. 11, январь-февраль. С. 18–37 и др.

7 См., напр.: Соловьев М.П. Панорама Палестины в Петербурге [Выставка фотографий ИППО] // Московские ведомости. 1892, 3 марта. № 62; Апология святогробцев // Московские Ведомости. 1892, 13 марта, № 72–73; Императорское Православное Палестинское Общество в 1895 г. // Московские Ведомости. 1896. № 75, 105.

8 Соловьев М.П. Святая Земля и ИППО. М., 1891; изд. 2. СПб., 1895; Он же. Святая Земля и Россия. СПб., 1894; Он же. По Святой Земле. С рисунками в тексте. СПб., 1897. 342 с.

9 Из письма члена Совета ИППО Н.М. Аничкова к помощнику Председателя Общества М.П. Степанову. С.-Петербург, 28 января 1899 г. // Цит. по: Дмитриевский А. А. Н.М. Аничков. (Некролог). СПб., 1916. С. 18.

10 Доклад секретаря ИППО В. Н. Хитрово на общем собрании Общества 8 апреля 1901 г. // В. Н. Хитрово. Собрание сочинений и писем. Т 3. Из эпистолярного наследия. М.-СПб., 2012. С. 296–297. И противоположная оценка: «Со вздохом облегчения его смерть была воспринята в греческих кругах» (Stavrou Th.G. Russian Interests in Palestine. P. 175).

11 Stavrou Th. G. Russian Interests in Palestine. P. 146–147.

12 Id, с. 147, 158.

13 Μελέτιος (Μεταξάκης). Ὁρος καί η Ρωσική πολιτική εν Ανατολή. Αθηνα, 1913. Текст цитируется по рукописному французскому переводу книги, сохранившемуся в Архиве внешней политики Российской Империи.

14 Goodrich-Freer A. Inner Jerusalem. London, 1904. P. 75. (Ставру Ф. Г. С. 190).

15 Ibid. Pp. 84–85.

Глава I

Два течения ясно обозначаются в современной жизни русского общества. Одно отражает в себе западное масонство новейшего времени со всеми его оттенками, от умеренных конституционалистов, признающих народ источником государственной власти, игнорирующих церковь в государстве, до анархистов; другое движется историческими национальными началами православия, самодержавия и народности. Масонство и народность стоят в резком противоположении. Столкновение их, временный перевес одного над другим составляют причину колебаний в историческом развитии новой России. Могучий подъем национальных чувств в критические моменты, охватывающий глубочайшие слои народной массы, мог бы служить указателем, что не в масонстве лежит источник русской силы. Масонство в такие моменты примазывается к результатам национального движения и неминуемо искажает их. Продолжительная борьба этих двух направлений до сих пор, однако, не привела к решительному торжеству одного из них. Доселе продолжается принципиальный спор. До днесь не получили законного и обязательного преобладания в широкой государственной жизни те начала, которые открываются в верхних течениях нашей национальной истории. Многие не затронуты еще общественным сознанием и не оценены по достоинству.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.